

Сарчин Рамиль Шавкетович

ЖАНРЫ БЫЛИ И СКАЗКИ В ПОЭЗИИ ФАТИХА КАРИМА 1930-Х ГОДОВ

Статья посвящена рассмотрению поэтической были "Аучылар" ("Охотники") и поэтической сказки "Гармунчы аю бел?н ?ырчы маймыл" ("Медведь-гармонист и обезьяна-певунья") Фатиха Карима. К сожалению, в исследованиях о творческом наследии поэта должного внимания им оказано не было. Между тем исследование этих творений, оцениваемых как вершинных в творчестве поэта 1930-х годов, позволяет, с одной стороны, увидеть масштаб поэтического дарования автора, с другой - определить место его поэзии в духовном и литературном контексте эпохи 30-х годов прошлого века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 155-157. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE ROLE OF AFFIXES OF THE ALLATIVE CASE IN THE FORMATION OF CONCRETIZING RELATION BETWEEN NOUNS AND VERBS IN THE TATAR LANGUAGE

Sagdieva Ramilya Kamilovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
ramsag777@rambler.ru

In the Tatar language affixes, postpositions, postpositional words, repetition, juxtaposition and word order, lexical meaning, intonation are the means of connection of words. The question about the peculiarities of affixes expressing the concretizing relation is still controversial in the Tatar linguistics. In the article the affixes of the allative case as a means of connection of concretizing relation between nouns and verbs in the Tatar language are studied for the first time, their shades of meaning and senses are identified.

Key words and phrases: allative case; affixes; concretizing relation; shades of meaning; ways of expression.

УДК 82.0

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению поэтической были «Аучылар» («Охотники») и поэтической сказки «Гармунчы аю белэн жырчы маймыл» («Медведь-гармонист и обезьяна-певунья») Фатиха Карима. К сожалению, в исследованиях о творческом наследии поэта должного внимания им оказано не было. Между тем исследование этих творений, оцениваемых как вершинных в творчестве поэта 1930-х годов, позволяет, с одной стороны, увидеть масштаб поэтического дарования автора, с другой – определить место его поэзии в духовном и литературном контексте эпохи 30-х годов прошлого века.

Ключевые слова и фразы: татарская литература XX века; «детская» поэзия; «малая» родина; жанр; быль; сказка.

Сарчин Рамиль Шавкетович, к. филол. н.
Академия наук Республики Татарстан, г. Казань
rsarchin@yandex.ru

ЖАНРЫ БЫЛИ И СКАЗКИ В ПОЭЗИИ ФАТИХА КАРИМА 1930-Х ГОДОВ©

Несмотря на то, что в сравнении с поэмами Фатиха Карима 1930-годов поэтическая быль «Аучылар» («Охотники») и поэтическая сказка «Гармунчы белэн жырчы маймыл» («Медведь-гармонист и обезьяна-певунья») в художественном отношении явно выигрывают, должного внимания в каримоведении им уделено не было. Так, об «Аучылар» З. М. Мазитов в своей монографии «Фатих Карим» упоминает лишь мимоходом [4, с. 76]. «Гармунчы белэн жырчы маймыл» удостаивается чуть большего: исследователь пишет о воспитательном потенциале сказки, о том, что она учит детей труду [Там же, с. 77]. Эстетические же достоинства произведений остались вне видимости учёного. Ненамного изменилась ситуация в отношении этих произведений во время, так сказать, «второй волны» литературоведческого интереса к творчеству поэта, случившейся в связи со столетием его рождения в 2009 году. Таким образом, «Аучылар» и «Гармунчы белэн жырчы маймыл» ещё ждут своего исследователя и должной оценки.

Сюжет «Аучылар» очень увлекателен. Охотник вместе с преданной собакой Туганом приходит на озере поохотиться на диких уток. Выстрел – утка подбита, Туган бросается за ней в озеро. Едва он её схватил – со дна озера всплывает сом, бьёт хвостом по собаке и заглатывает птицу. Туган поначалу тонет, но потом всплывает, и течением его относит к дальнему берегу. Охотники ни с чем возвращаются в колхоз и рассказывают о случившемся бывалым рыбакам. Те, вместе с незадачливыми охотниками, возвращаются на озеро, раскидывают сети и вылавливают сома длиною в телегу. Такова основа повествования этой были. Мало ли подобных былей, приправленных изрядной долей небывальщины, можно услышать от рыбаков и охотников. Вероятно, рассказанную историю поэт тоже слышал как-то из уст своих односельчан, в пору детских рыбалок, на которые Фатих был весьма охоч.

Потому, думается, так и «тепло» от слов рассказчика, что его история связана с детскими рыбалками самого Карима. Потому так и «живо» всё в представленной картине, что речь здесь идёт об обычной, не «героической», а реальной жизни: с «живыми» героями, «живыми» обстоятельствами, «живым» пейзажем.

Эта «живость», динамичность сюжета достигается не только быстрой сменой событий, умело выстроенных в увлекательное повествование, не без драматизма (Туган чуть утонул) и авантюризма (сома идут ловить в ночь, когда не видать ни зги). «Оживляет» повествование его форма, выдержанная в виде сказа, поскольку будто явлена от лица одного из непосредственных свидетелей, возможно – даже участника. Его

отличает такая же «живая», непосредственная, идущая от самого сердца, «от души», всякому понятная, ясная речь – естественная, столь же динамичная, что и ход событий, представленная поэтом с помощью чередования 8-5-сложных строк. «Живое» слово рассказчика (= поэта) передаёт дыхание, тепло человеческой души.

Повествование динамизируется и посредством мастерски исполненных пейзажных зарисовок и портретов персонажей. Нельзя в связи с этим не привести в качестве примера такой отрывок: «Ә үрдәкләр бака эзләп // Суға чумалар, // Канатларын да чылатмый // Кире чыгалар. // Берсе бака тотып кача // Камыш эченә. // Икенчесе куып китә // Бөтен көченә...» [3, с. 215]. / «Здесь прохладные закутки // Живностью кишат, // Здесь прозорливые утки // Ловят лягушат. // Со своей добычей птица // Прячется в камыш, // А за ней другая мчится: // Мол, куда спешишь» [2, с. 10] (перевод Р. Морана).

Столь же художественно органично и безупречно переданы переживания героев. Вот как, например, воспроизводится «психологический портрет» собаки, когда хозяин журит её за упущенную добычу: «Туган аңлый, тик теле юк // Жавап бирергә... // Койрыгын аска бөгәрләп // Ул чүкте эңиргә. // Хужасына карый алмый, // Әллә ояла? // Караман булып кына // Кырын күз сала» [3, с. 219]. / «Человеческие речи // Понимал Дружок, // Только сам по-человечьи // Отвечать не мог. // Хвост поджав, улёгся рядом, Глаз не смог поднять, // Глянул виноватым взглядом – // И застыл ояла» [2, с. 13-14] (перевод Р. Морана). Другой пример того же рода – поведение собаки при поимке сома: «Туган басарга эңир тапмый, // Сыелдан ала, // Я ашыгып алга чаба, // Я артка кала» [3, с. 221]. / «А Дружок, бросаясь в ноги, // Взвизгивает, рад. // То несётся по дороге, // То бежит назад» [2, с. 16].

Подводя итоги разговору о были «Аучылар», заметим, что человеку и вообще живой твари здесь хорошо. Они здесь *живут* – со всей своей включённостью в процесс «живой жизни». Человек же становится ценен сам по себе: с его юмористичностью, озорством, любовью, задушевностью, всепроникновением в происходящее. В этом, на наш взгляд, неявный, «подтекстовый», от этого не менее важный, вневременной, пафос произведения, словно напоминающий нам о том, что люди и в страшные 30-е «жили, думали, чувствовали, любили» (Б. Л. Пастернак «Во всём мне хочется дойти...»), а не только «стучали» друг на друга и сидели по тюрьмам и лагерям.

Хорошо, вольготно здесь и поэту, жизнетворческий потенциал которого столь напорист и, кажется, безысходен, что иного финала, как повтора, почти слово в слово, ранее высказанной в тексте строфы, у него не нашлось: речка Агидель (Белая) желает охотникам и рыбакам возвращения на свои берега. Это сугубо лирический, эмоциональный финал, экспрессивный «выплеск», своего рода катарсис от сотворённого. Тем ценный автору, что снова относит к «берегам» родины.

Так же мило его душе и в сказочном мире «Гармунчы аю белән жырчы маймыл».

Создание сказки было подготовлено переводческой работой над «Сказкой о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, которая переводилась Фатихом Каримом на татарский язык в 1936 году, перед написанием собственной сказки. При выполнении перевода, несомненно, оттачивалось совершенство поэта в построении сказочного повествования, в создании сказочного персонажа, в ведении сказочной речи [7].

При написании своей сказки Фатих Карим, конечно же, мог ориентироваться и на национальные образцы, прежде всего – народные сказки. Не остался, думается, в стороне и поэтический опыт создания стихотворной сказки Габдуллы Тукая, творения современников Фатиха Карима, обращённые к традициям сказки, пристальным вниманием к которой была отмечена татарская «детская» поэзия 1920-1930-х годов [5, с. 28-29]. Большую известность в этом популярном в литературе 1930-х годов жанре обрели сказки А. Алиша: «Чукмар белән Тукмар» («Два петуха»), «Каз белән Аккош» («Гусенок и лебеденок»), «Мактанчык чыпчык белән тыйнак сыерчык» («Скворцы и старый воробей»), «Сертотмас үрдәк» («Болтливая утка»), «Нечкәбил» («Нечкебиль») и др. Так что для рождения сказки Карима была более чем благодатная почва.

Сказка начинается эпиграфом, выполняющим роль своеобразной присказки: «Жылып утырыгыз, // Бер экият укыгыз, // Кызык булса, көлерсез, // Башкаларга сөйләрсез» [3, с. 47]. / «Сядьте вместе, // прочитайте одну сказку, // Если будет смешно, посмейтесь, // Другим расскажете» (построчный перевод сказки здесь и ниже выполнен нами – Р. С.). В ней словно определяется основная «направленность» сказки, её юмористический характер, функция развлечения. В этом Карим следует основному, определённой спецификой жанра, назначению сказки – увеселять, чем определяется и своеобразие её сюжета, и образно-персонажная система, и особенности языка.

Сюжет основан на полной приключений, юмора поездке непутёвого Хайдара в лес за дровами. Он то и дело из-за своей непутёвости попадает в комичные ситуации: приехав в лес, не в меру сил рубит лес; затем, забыв распрячь и покормить лошадь, вдоволь спит; проснувшись, нагружает телегу до того, что утомлённая кобылка не в силах сдвинуть её с места, за что Хайдар нещадно бьёт её плетью; за это на него чуть не обрушивается гнев зверей, которые в конце концов ему помогают выйти из трудной ситуации, правда, при этом чуть не разбив телегу вместе с лошадей и дровами вдребезги... Но чудом всё, как того и требуют законы сказочного жанра, заканчивается благополучно.

Комичны главные персонажи сказки: Хайдар, медведь-гармонист и обезьяна-певунья. Но комичностью их назначение и характеры не исчерпываются. Притом, что кажутся простыми, даже своими, они не столь однозначны. Непутёвый Хайдар вдруг проявляет мужицкую смекалку, прося свалившихся как снег на голову животовных помочь спуститься грузённой до отказа телеге с крутой горы. Медведь и обезьяна поначалу вызывают одну симпатию – тем, что заступаются за избиваемую Хайдаром лошадь и решают ему помочь. Однако в самый важный (кульминационный) момент в них берут верх «типичные» для этих животных черты характера. Неуклюжий медведь и ротозейка-обезьяна совершают непозволительно глупый поступок – оба отпускают верёвки,

за которые держали спускаемую с горы телегу... Такие неоднозначные воплощения образов персонажей, органичные ещё и потому, что обусловлены течением сюжета, призваны «подогревать» интерес слушателей.

Этому служит и стихотворная форма повествования, в основном исполненная посредством динамичного чередования парно рифмованных 7-сложных строк. Динамизм речи достигается и за счёт её фонетической организации: звуковых переключек, созвучий («Иртэн чыгып киткэн ул, // Кичкэ барып житкэн ул» [Там же]), внутренних рифм («Хэйдэрнең аты булган, // Колагы каты булган» [Там же]), акромнограмм («Сызгырсаң ишетмэгән, // Сытырсаң килешмэгән» [Там же]). Приводим для наглядности лишь по одному примеру, на самом деле подобные звуковые приёмы носят в сказке Карима «сквозной» характер.

Простой для восприятия (именно на слух), разговорный по стилю язык сказки обогащён фольклорными элементами: фразеологизмами, поговорками, присловьями, даже частушкой: «Дошман аяк чала алмас, // Кичәрбез судан, уттан, // Дусыбыз аю бар чакта, Безгә диңгез тубыктан» [Там же, с. 49]. / «Враг не сможет подставить ногу, // Пройдём огонь и воду, // Когда у нас в друзьях медведь, // Нам море по колено». Всё это, конечно же, не может не подкупать слушателя. Как и финал сказки, в которой ненавязчиво, в аллегорической форме даётся ему урок, хотя кажется, что это название Хайдару: «– Онытма, дустым, шуны: // Бөтен эштә бул зирәк, // Атның таза, тук булуы // Тау төшкәндә дә кирәк!» [Там же, с. 52]. / «– Ну, дружок, счастливый путь! // Только впредь умнее будь. // Тем, кто лошадь кормит скудно, // Даже с горки съехать трудно!» [1, с. 15] (перевод С. Малышева).

Последние же строки поэмы возвращают нам в той же «повторительной» манере, что и в случае с «Аучылар», вечно неунывающие, жизнерадостные образы медведя-гармониста и обезьяны-певуньи, утверждая неиссякаемый мотив благополучия, счастья, благодати жизни.

В заключение разговора о вершинных явлениях творчества Фатиха Карима 1930-х годов, каковыми, безусловно, являются «Аучылар» и «Гармунчы белән жырчы маймыл», подчеркнём, что творческая удача поэта в случае с ними, как мы думаем, объясняется именно памятью о «малой» родине, о сказках детства. Оттого поэтический голос в них льётся свободно, без каких-либо оглядок, «идеологических» препон и преград, вне установок социального «заказа», которые только сдерживали развитие таланта Фатиха Карима в годы его творческого становления. Пример «детской» поэзии татарского автора лишней раз убеждает в мысли о том, почему столь популярной в литературе и искусстве 1930-х гг. была «детская» тема: она возвращала художникам чувство творческой и личностной свободы, всячески подавляемой усилиями государственной системы, но не выветриваемой никак ветрами времени, так как всегда подпитывается нашим изначальным истоком – детством и памятью о нём как о самой безоблачной и вольной поре жизни.

Список литературы

1. Карим Ф. Медведь-гармонист и обезьяна-певунья. Казань: Татарское книжное издательство, 1988. 16 с.
2. Карим Ф. Письмо пионерке Гульчечеккой. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 24 с.
3. Карим Ф. Произведения: в 3-х т. / на татар. яз. Казань: Татарское книжное издательство, 1980. Т. 2. 328 с.
4. Мазитов З. М. Фатих Карим: очерк жизненного и творческого пути / на татар. яз. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. 177 с.
5. Мингазова Л. И. Своеобразие и тенденции развития татарской детской литературы XX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. Казань, 2011. 54 с.
6. Сарчин Р. Ш. «Начальная песня» Фатиха Карима // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 167-169.
7. Сарчин Р. Ш. «Поэтические» истоки творчества Фатиха Карима [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54266.htm> (дата обращения: 17.12.2014).

GENRES OF TRUE STORIES AND FAIRY TALES IN POETRY OF FATIH KARIM OF THE 1930S

Sarchin Ramil' Shavketovich, Ph. D. in Philology
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan
rsarchin@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of the poetic true story “Аучылар” (“Hunter”) and the poetic fairy tale “Гармунчы аю белән жырчы маймыл” (“Bear-harmonist and Monkey-songstress”) by Fatih Karim. Unfortunately, the studies of the creative heritage of the poet do not pay proper attention to them. Meanwhile, the study of these works, estimated as the pinnacle in the creative work of the poet of the 1930s, allows, on the one hand, seeing the scale of author's poetic talent, and on the other – determining the place of his poetry in a spiritual and literary context of the era of the 30s.

Key words and phrases: the Tatar literature of the XX century; “child” poetry; “small” homeland; genre; true story; fairy tale.